

ЕВРЕЙСКАЯ РИГА: ПРОРЫВ В СОВРЕМЕННОСТЬ. УЧРЕЖДЕНИЕ КАЗЕННОГО РАВВИНАТА И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВКЛАД АРОНА ПУМПЯНСКОГО

Этот город при впадении Западной Двины (Даугавы) в Балтийское море («средиземное» море Северной Европы) имеет геополитически благоприятное положение как узел сплетения инфраструктуры и доступа к внешнему миру (в континентальной перспективе), а также мост между Западной и Восточной Европой. Как таковой этот город был привлекателен не только для бременских купцов и священников¹, но остается таковым и для других самого разного рода посредников с Востока и Запада.

Начиная с XVI в. появляются сообщения о евреях в городе у устья Западной Двины, являющемся членом Ганзейского союза². Рига появляется в историографии как «первая еврейская община в царской империи», если широко истолковать это определение и включить в него *«покровительствуемых» евреев Екатерины Великой, которые из Риги заселяли Шлок³. Но лишь в XIX в., в период вступления города в современный этап развития, началось формирование еврейской Риги.

На протяжении столетий город служил игровой в руках гегемонистских держав и одновременно пользовался привилегиями. Царская власть вынудила прибалтийско-немецкий торговый город открыться русским, латышам и евреям. Рига преобразилась в мультинациональный город на пограничье Северной и Восточной Европы. В мирное время на пограничье державам приходилось вносить поправки в свои гегемонистские притязания. Здесь возникает конкуренция различных культур, и у других, в частности у меньшинств, тоже появляется свой шанс. Но именно поэтому в раздоре гегемонистских держав во время войн кроются еще более опасные тенденции для этих регионов и особенно для меньшинств. Вспомним хотя бы о депортации евреев из Риги во время Первой мировой войны, о массовом истреблении рижских евреев в эпоху национал-социализма...

Немецкоязычная область находилась среди сельской местности, где в основном говорили по-латышски, а также на идише. С этой точки зрения, Рига имела сходство со Львовом или Черновцами. Рига являлась не только торговым городом, находившимся в контакте с землями «северного средиземноморья», но и городом для отпавляющихся за границу, прибежищем и привлекательным местом прежде всего для евреев из ближних Курляндской, Ковенской, Виленской и Витебской губерний, откуда они пришли на Западную Двину. Если рассматривать Ригу в контексте *черты еврейской оседлости в границах царской империи, то евреи в Риге обладали привилегиями. Рига не относилась к черте оседлости, хотя и принадлежала (согласно

Статья подготовлена на основе доклада на конференции «Рига и регион Балтийского моря», проведенной Латвийским университетом в 2001 г. в сотрудничестве с Институтом Гердера в Марбурге (Германия). Перевод с немецкого С. Боговяленской. Поступило сверх программы конференции.

положению 1835 г.) к области, разрешенной для заселения евреями. Те лица, которые приобрели право на постоянное поселение во внутреннем городе, были обязаны приспособиться к немцам в плане языка, платья и публичного образа жизни, в то время как непосредственно у городских ворот вдоль Московской улицы (в Московском предместье) селились пришельцы. Поэтому евреи в Риге делились — по грубым расчетам — на две группы: говоривших на идише белорусских евреев (*райсише иди*) и онемеченных евреев. Таким образом, при переходе к современной эпохе развития в еврейской Риге пришли в соприкосновение и обогатили друг друга восточноевропейская и немецкая культуры. То обстоятельство, что царское правительство разрешило в Риге образование еврейской общины и открытие р е ф о р м и р о в а н н о й еврейской школы⁴, произошло благодаря политическому расчету правительства снискать лояльность одной из групп населения в главном городе прибалтийской губернии⁵.

Город стал центром *Гаскалы (еврейского просветительского движения) в царской империи и отправным пунктом модернизации еврейского общества. Сама эта идея пришла из германских государств, но ее воплощение — действуя в угоду собственным интересам — сделало возможным царское правительство. Первое ведомство, ведавшее цензурой еврейских книг, было учреждено в Риге при Екатерине Великой. Его первым наиболее известным сотрудником был выходец из Берлина, *маскил (просветитель) и бывший сотрудник кенингсбергского журнала «Га-Меасеф» («Сборник») Леон Эльканан⁶. В отличие от общепринятой государственной цензуры в царской империи, эти десятилетия, или почти целое столетие, в смысле просвещения являлись образцовыми для еврейской литературы. Так же и реформированная еврейская общинная школа в Риге заключала в себе характерные качества, заслуживавшие подражания⁷. Ее директор Макс Лилянталь⁸ был назначен первым советником царского правительства по еврейским делам⁹. После Одессы, Вильны (Вильнюса) и С.-Петербурга Рига стала местом выхода одного из первых в России русско-еврейских периодических изданий. Благодаря *Обществу для распространения просвещения между евреями в России (ОПЕ) здесь сформировалась еврейская общественность, являвшаяся предтечей политических течений в среде еврейства.

В исторических исследованиях в целом уделяется внимание процессу модернизации в сферах политики, экономики и социальных преобразований, что в трудах историков приобретает обозримые и четкие контуры. Интерес историков и обществоведов зачастую исчерпывается там, где начинается сфера интересов историков культуры. Настоящая статья посвящена организации *казенного раввина в торговом городе и социально-культурному вкладу раввина и *«ученого еврея», который до недавнего времени оставался в неизвестности в широком масштабе, а именно деятельности Арона Пумпянского¹⁰, который в течение двадцати лет, с 1873 г. и вплоть до своей смерти в 1893 г., занимал пост казенного раввина в Риге¹¹ (и чью фотографию безуспешно разыскивала я, а также еврейский музей Риги¹²).

Арон Пумпянский — выходец из Вильны — «Литовского Иерусалима» (*Jeruschalaim de Lite*), принадлежавший к первому поколению прогрессивно настроенных обрусевших евреев России. Свое светское и религиозное образование и воспитание он получил в Виленском раввинском училище — первом из двух общеобразовательных высших учебных заведений для евреев в Российской империи (второе подобное училище находилось в главном городе Волынской губернии Житомире). Эти учебные заведения были основаны в ходе государственной реформы просвещения евреев и действовали на протяжении четверти века (1847—1873 гг.)¹³.

Оба училища являлись ядром этой реформы, инициатором которой в царствование Николая I был министр народного просвещения граф С. С. Уваров и которая достигла своей высшей точки при следующем царе — Александре II. Училища имели функции административного и культурного центров с последующим кумулятивным эффектом. Они готовили учителей для государственных реформированных школ и казенных раввинов.

А. Пумпянский оказался в числе первых воспитанников Виленского раввинского училища и в 1859 г. сдал экзамен на звание раввина. Он может быть причислен к третьему поколению деятелей Гаскалы, которые благодаря воспитанию и образованию в раввинских училищах проявили себя склонными и способными к интеграции. Как поборники интеграционного процесса особенно популярны были литовские *маскилим*. Вместе с сокурсником А. Пумпянский редактировал первые номера русскоязычного приложения к периодическому изданию своего раввинского училища «Га-Кармел»¹⁴ и был одним из первых, кто проповедовал на русском языке и получил известность среди населения. «*Allgemeine Zeitung des Judentums*» («Всеобщая еврейская газета») сообщала о том, как молодой раввин в конце лета 1861 г. провоцировал жителей Поневежа в Ковенской губернии (ныне Паневежис в Литве. — *Ред.*) тем, что в моленной доме держал речь на русском языке по поводу годовщины венчания на царство правящего царя и тезоименитства престолонаследника. В этом городе польские дворяне и крестьяне обычно праздновали годовщину польско-литовской унии, а не российские государственные праздники, в то время как еврейское население, занятое в основном торговлей и ремеслами, старалось, невзирая на опасность потерять клиентов, придерживаться нейтральной позиции¹⁵.

Как и его сподвижники, А. Пумпянский делал акцент на реформу народного просвещения, считая ее двигателем прогресса и процесса интеграции. После Зелика Минора в Минске и Соломона Пухера в курляндской Митаве (ныне Елгава в Латвии. — *Ред.*) он был одним из первых выпускников своего училища, которые, несмотря на сопротивление обеих старых элит — русской и еврейской — и пользуясь поддержкой «местных органов» — губернаторов, а также реформаторов в еврейской общине, влились в аппарат казенного раввината. «*Allgemeine Zeitung des Judentums*» сообщала о том, как А. Пумпянский стал раввином в Риге: сначала 26 сентября 1872 г., в то время еще занимая пост раввина в Поневеже, он в присутствии губернатора и других государственных чиновников был представлен Рижской еврейской общине в зале Большой хоральной синагоги на улице Гоголя, о чем упоминала даже «*Rigaer Bote*» («Рижский курьер»). Там сообщалось, что раввин Пумпянский при торжественном открытии собрания произнес речь на немецком и русском языках и на русском говорил о необходимости и пользе применения в современном образовании государственного языка, а также об «ассимиляции»¹⁶. Это говорит о том, что А. Пумпянский, как и многие образованные люди из Литвы и большинство вышколенных в раввинских училищах учителей и раввинов, действительно владел языками обеих культур, преобладающих в регионе, что он обладал способностями выражаться в соответствии с обычаями и нравами города, а также привлечь внимание к собственно еврейским интересам и с самого начала в качестве казенного раввина, в том числе и публично, вносить свою лепту в дело современного просвещения евреев и их интеграции в жизнь России. В начале следующего года та же самая газета — наряду с «*Königsberger Zeitung*» («Кенигсбергская газета») — сообщала о том, что А. Пумпянский против воли еврейской общины и вопреки вотуму магистрата, но благодаря хлопотам генерал-губернатора назначен раввином Ри-

ги. Как следствие этого три советника из прибалтийских немцев вышли в отставку¹⁷. Назначение на эту должность представителем государства шло вразрез с правами сразу двух субъектов — еврейской общины и рижского муниципалитета. Существовало скрепленное печатью право общины избирать раввина, а прибалтийско-немецкий торговый город в Российской империи тогда еще пользовался привилегиями культурной и политической автономии. Незвизрая на непропорциональное занятие государственной должности, А. Пумпянского в одной плеяде с его предшественником на этом посту Абрамом Нейманом¹⁸, которого перевели в С.-Петербург, с Селимом Мином в Минск и Москве, с Абрамом Драбкиным в С.-Петербурге и Соломоном Пухером в Митава можно причислить к самым известным и активным казенным раввинам и «ученым евреям» в царской империи.

Что же подразумевалось в России под понятиями «казенный раввин» и «ученый еврей»? Что означала государственная инициатива реформы просвещения евреев в Российском государстве? Аналогично Австро-Венгерской империи Габсбургов, а также Пруссии в Российской империи процесс еврейского просвещения шел рука об руку с официальной политикой интеграции. Инициатива реформы исходила с двух сторон: с еврейской — в связи со стремлением модернизировать собственное общество, и с русской — чтобы в спокойном приграничном регионе заполучить лояльных подданных и получить в свое распоряжение научные и экономические ресурсы. При этом в планы российских реформаторов входила контролируемая государством реформа еврейского образования, наделение привилегиями образованных людей в целях приобретения в их лице квалифицированных агентов государства в общинной среде. Расчет еврейских реформаторов, напротив, состоял в том, чтобы с помощью правительства создать для себя прочные позиции для преобразования структуры власти и системы ценностей в общине. Поэтому для обеих групп основную роль играли авторитетные лица общины, т.е. образованные люди и раввины.

Со времен Александра I правительство предпринимало попытки оказывать влияние на раввинат и использовать этот институт в качестве контрольного органа — по меньшей мере, в целях налогообложения. Согласно традиционному еврейскому пониманию, для российского законодателя раввин считался не священником, а ученым. По этой причине в сомнительных случаях на общинном уровне раввин обладал правом называться «ученым евреем» и лично выполнять обязанности эксперта и государственного агента, даже не имея специального светского образования. Еврейские просветители и сторонники политики интеграции начали видоизменять понятие «ученый еврей», завладели правом присвоения традиционных почетных званий, перенесли эти звания на евреев, получивших образование в светских учебных заведениях, и на государственный пост «ученого еврея», чтобы снискать признание и добиться авторитета среди еврейского населения.

Первые попытки правительства создать контрольные органы внутри еврейской общины увенчались сомнительным успехом. Когда (с 1812 г.) от раввинов стали требоваться знания государственного языка страны проживания, то начали проводить различие между казенным и *духовным раввинскими постами¹⁹. В западных приграничных землях правительство было далеко, и в так называемой черте оседлости еврейские подданные жили под руководством их общин, подчиняясь в большей степени своим законам. Лишь немногие раввины были готовы или способны выполнить условия правительства. Раздробление раввинатов еще более усилилось, когда в обязанности раввинов стало входить ведение отчетности общины²⁰. Поскольку раввинат в еврейской среде воспринимается не как исключительно духов-

ное руководство, это дробление для еврейского общества было еще приемлемо, но происходило за счет потери авторитета казенных раввинов среди населения. Таким образом, в распоряжении государства в общинах находился хоть и официальный, но не квалифицированный, непризнанный орган власти. Это состояние должно было измениться, когда *маскилим* и российские реформаторы занялись созданием необходимых предпосылок для квалификации раввинов. Они осознали значение раввина как посреднического органа между государством и еврейским обществом и делали акцент на авторитет новых раввинов, изменив соотношения их властных и духовных функций в общине.

Однако вопреки стремлениям реформаторов, вопреки государственным проектам и комиссиям, невзирая на единичные частные случаи, говорящие против старого порядка, им не удалось утвердиться, правительство не затронуло закрепленных письменно прав общин. Государственная политика интеграции оставалась непоследовательной. Только некая толика выпускников училищ стали раввинами. Таким образом, сохранилось различие между духовными и казенными, или, как их еще называли, общественными раввинами. Несмотря на неблагоприятные обстоятельства, казенный раввинат — аналогично земельному раввину в немецких землях — в течение более полувека, до начала Первой мировой войны, стал заслуживающей упоминания организацией²¹. Казенные раввины в своей работе и активном участии в политических, социальных и культурных преобразованиях поощрялись «учеными евреями», занимавшими должности в губернских и школьных учреждениях²², даже если их потом критиковали за преданность государству, оптимизм и легковерие. Бесспорным остается и факт их свидетельских показаний, направленных против своего, еврейского общества. Но все же большинство *маскилим* вошли в эти органы власти с лучшими намерениями быть полезными землякам и единосверцам. Результаты их работы говорят о том, что они были прагматиками, конструктивно действовавшими в пределах своих возможностей, и умели добиваться своих целей.

Молодым образованным раввинам приходилось пробиваться в общинах самим, что им удавалось прежде всего в общинах крупных городов. В 1870-е гг. они занимали по меньшей мере 55 мест. Их выбирали там, где условия и расстановка сил были наиболее благоприятными. Казенные раввины с образованием, полученным в раввинских училищах, умели добиться авторитета и влияния. Благодаря этому в крупных городах — Москве, С.-Петербурге, Одессе и Риге они занимали самые привилегированные и влиятельные еврейские должности в Российской империи. Кроме того, они занимали должности казенных раввинов в большинстве губернских центров в черте оседлости — повсюду, где сфера влияния раввина была шире, население — более восприимчивым к новшествам, а сотрудничество с представителями правительства — возможным.

В некоторых городах они занимали свои посты на протяжении десятилетий или даже всей жизни. Многие общины, не принимая выпускников училищ в качестве духовных раввинов, все же принимали их как казенных раввинов, чей авторитет возрастал или падал в зависимости от очередных веяний в правительственной политике. Тем не менее они в общей сложности не принадлежали к числу необразованных и невежественных людей, а владели еврейским, русским и немецким языками и имели за плечами как общее, так и еврейское образование. В особой степени казенные раввины были активны как реформаторы в северо-западных приграничных землях, в Вильне, Ковно, Гродно, Белостоке и их окрестностях, но прежде всего — в Курляндии и Риге. В этих регионах просвещение уже и без того имело социальную базу, и

образованные в современном духе раввины, такие как Шефтель Клячко, Рубен Шниткинд, Осип Гурвич, Марк (Меир) Маркус, Соломон Пухер и Арон Пумпянский, будучи не только просвещенными и верными царю, но и разбирающимися в традиционных нормах, имели возможность извлекать выгоду из конкуренции различных культурных и политических интересов и, помимо активности в качестве администраторов и поборников интеграции, выступать также в качестве просвещенных раввинов умеренного толка. Например, раввин А. Пумпянский оказался достаточно чутким, терпимым и умным, чтобы в общинах Поневежа и окрестностей разрешить беспрепятственно вести проповедь против Гаскалы Кельмского Нагиду²³ и позволить распространение видений о конце света, в чем его и упрекал некий «истинный друг евреев» („wahrer Judenfreund“) в одесском издании *«Сион»²⁴.

Конечно, нельзя утверждать, что модернизация раввината произошла аналогично германским государствам и новые раввины с образованием, полученным в училищах, заняли ведущие посты в еврейских общинах Российской империи. Дело преобразований осталось незавершенным. Большинство общин в сельской местности крепко придерживались традиций и обычаев и в дальнейшем имели своих *ребе, а казенным раввинам предоставили административные хлопоты. Но все же правительство и *маскилим* выполнили программу-минимум их проекта, ориентированного на реформы. Хотя в России и не было *консистории, как в послереволюционной Франции, зато были губернские раввинаты, которые находились в руках выпускников раввинских училищ. Они, правда, далеко не везде были представлены «духовными» авторитетами, но, по крайней мере, эти лица все же были признаны «учеными евреями». Указание на влияние казенных раввинов в среде городской и политической активной интеллигенции, состоявшей из российских евреев, и меру ожиданий от них, дает ставшее общеизвестным обращение Семена Дубнова²⁵ 1891 г., где говорится, что они могли бы стать первыми лицами, к которым можно было бы обратиться по поводу проекта российской еврейской историографии²⁶.

О функциях и значении учреждения института казенных раввинов в Российской империи на благо процесса модернизации известно настолько же мало, как и о деятельности раввина А. Пумпянского в Поневеже и Риге. В этом плане ощущается потребность в исследованиях²⁷. Из литературы, а также из статей в немецко-еврейской и русско-еврейской прессе известно, что он уже в Поневеже тесно сотрудничал с местными государственными еврейскими школами, а также проповедовал там и выступал с лекциями²⁸. Как и некоторым другим его соратникам (Зелик Минор, Лев Гордон, Пейсах Энгельштейн), ему удалось учредить в Поневежском казенном училище общедоступную еврейскую библиотеку²⁹. Такого рода школьные библиотеки, воспринимаемые среди населения как чадо ереси, служили для стремящейся к образованию молодежи сокровенным местом для встреч³⁰. Как и прочие из числа учителей и учащихся раввинских училищ, Арон Пумпянский посвятил себя делу, выражаясь современным языком, русско-еврейского диалога: он перевел на русский язык *агиографические тексты, перевел и прокомментировал псалмы Давида (1871 г.), притчи Соломона (1891 г.), обеспечив таким образом русскому читателю доступ к еврейским премудростям, и, наоборот, ближе познакомил еврейского читателя с русским языком и, соответственно, открыл для него возможность пользоваться государственным языком в религиозной практике. Переводы псалмов были рекомендованы в качестве учебного пособия в пореформенных школах³¹.

Примечательно было личное участие А. Пумпянского в культурной и социально-политической жизни Риги, о чем свидетельствуют его опубликованные пропове-

ди и публицистические работы. Он руководил вспомогательной кассой для учащихся из бедных еврейских семей в Александровской гимназии³² — первой русской гимназии в городе³³ и агитировал за вспомогательные кассы для малоимущих еврейских студентов в Рижском политехникуме³⁴, которые финансировались рижскими евреями и были организовываны через ОПЕ задолго до того, как петербургская еврейская общественность начала спонсировать обучение в Риге³⁵.

С того времени, как еврейским ремесленникам в России в сентябре 1865 г. была гарантирована свобода поселения, являющаяся политически-правовым проявлением великих реформ, направленных на отмену крепостного права и учреждение крестьянского самоуправления, еврейское население в Риге и ее лифляндских окрестностях увеличилось за счет миграции ремесленников из Ковенской, Виленской и Витебской губерний³⁶. Малоимущие ремесленники пополняли ряды нуждающихся. А. Пумпянский призывал к пожертвованиям для бедных мастеровых и пропагандировал организацию комитета для образования в Риге отделения *ОРТ — основанного в 1880-е гг. в С.-Петербурге общества для поддержки ремесленников и рабочих³⁷. Помимо участия в современном образовании он, как и многие его современники-*маскилим* и соратники, рассчитывал на социальные реформы через привлечение евреев к так называемому «продуктивному», т.е. сельскохозяйственному труду. Исходя из программы повышения производительности труда, которую просветители в Западной и Восточной Европе переняли от физиократов³⁸, политические взгляды *маскилим* со временем модернизировались. Призыв А. Пумпянского к «внутренней колонизации» был вовсе не таким уж старым, как поначалу внушал физиократический лозунг «продуктивного труда». ОРТ развилось в современную еврейскую организацию самопомощи.

А. Пумпянский призывал к пожертвованиям для поддержки семей еврейских солдат русско-турецкой войны³⁹ и к оказанию помощи беднякам в Самаре на Волге, где осели еврейские ремесленники⁴⁰. Эти акции были организованы особым комитетом рижской еврейской общины. Таким образом, Пумпянский не только был активным проповедником социальной и культурной политики, но и проявил практические организаторские способности, действуя при этом не как одиночка, а в контакте с набирающей силу русско-еврейской общественностью («Еврейские записки», ОПЕ, ОРТ), причём емугодились опыт, знания и связи, приобретенные в раввинском училище.

Однако непреходящая заслуга и особое достижение А. Пумпянского состоит в издании журнала «Еврейские записки»⁴¹. Это относится к первым попыткам создать в Российской империи либеральную русско-еврейскую прессу. После одесских печатных изданий «Рассвет», «Сион» и «День», а также приложения к «Га-Кармелу» в Вильне, после петербургских изданий «Вестник русских евреев», «Русский еврей» и «Рассвет» это было первое русско-еврейское периодическое издание в Риге (выходило ежемесячно).

В том же году, что и «Еврейские записки», стал издаваться петербургский «Восход». Хотя «Восход» был несравнимо успешнее, да и современнее «Еврейских записок», однако нельзя отвергать тот факт, что и Адольф Ландау (издатель этого журнала. — *Ред.*) имел в столице лучшие условия, чем Арон Пумпянский в провинции. Пумпянский отказался от издания своего журнала не только по причине отсутствия читательского интереса. Решающую роль в этом сыграло то обстоятельство, что журнал попал в водоворот того рокового поворота в царской политике в отношении евреев, который последовал после убийства Александра II. Так что по истечении 1881 г. редактор был вынужден попроситься с читательской публикой⁴².

Что же представляли собой «Еврейские записки»?

Культурно-исторический и литературный, либеральный и патриотический журнал, который делался одним человеком, но ни в коем случае не состоявший только лишь из его собственных статей. Многочисленные соавторы остались анонимными. Их имена обозначены только инициалами. Однако ряд имен известны: Исаак Варшавский — педагог-реформатор и писатель из Одессы; Авраам Гаркави и Осип Штейнберг — оба авторитеты в *иудаике (историки, филологи), современники и бывшие сокурсники А. Пумпянского по раввинскому училищу. А. Пумпянский помещал также популярные литературные тексты: Генриха Гейне, Лео Герцберга-Френкеля, Леопольда Комперта, предлагал вниманию читателей отрывки из библиографии Морица Штейншнейдера. Спектр тем «Еврейских записок» разнообразен — по своему профилю их тематика сравнима с «Восходом»: историческая, литературная, филологическая, религиозно-философская, библиографическая, а также политическая. А. Пумпянский помещал правительственные указы, отчеты благотворительных организаций, правовые и политические комментарии, статьи по «еврейскому вопросу», регулярно публиковал внутреннюю и международную хронику⁴³.

Лично А. Пумпянским подписаны проповеди, исторические, филологические и литературные статьи. Филологические статьи представляют его как образованного в духе своего времени деятеля *«еврейской науки». С одной стороны, А. Пумпянский хорошо ориентировался в еврейской учености, отображая ее по-новому, в духе идей Просвещения. Традиционно для восточных евреев он владел древнееврейским языком и выражал сильный интерес к его обновлению⁴⁴. В серии статей он изобразил библейского *аморея первого поколения Аббу Ариха (Рав), который сам основал школу в Суре и тем самым заложил фундамент «науки о еврействе» («еврейской науки») в диаспоре, стилизовав его до идеала и прототипа для *маскилим* и современных реформаторов⁴⁵. С другой стороны, он принимал большое участие в дискуссиях «ученых евреев» в немецкоязычных странах (на немецком языке), ссылаясь на соответствующие работы Юлиуса Фюрста, Вильгельма Гезениуса, Леопольда Пунца и Генриха Греца, а также христианских теологов и «еврейского миссионера» Франца Делица⁴⁶. Он конфронтировал со статьями из немецко-еврейских газет — очевидно, читал издаваемый в Бреслау (ныне Вроцлав в Польше. — *Ред.*) Захариусом Френкелем “*Monatsschrift für Geschichte und Wissenschaft des Judentums*” («Ежемесячник еврейской истории и науки») ⁴⁷, как и “*Israelische Monatsschrift*” («Ежемесячник Израиля»), приложение к берлинской газете “*Die judische Presse*” («Еврейская печать») ⁴⁸, которая издавалась Азриэлем Хильдесхаймером, основоположником ортодоксального иудаизма в Германии, и его раввинским училищем. Эта литература позволяет сделать определенные выводы относительно религиозной и теологической позиций А. Пумпянского.

Вопрос в том, на самом ли деле А. Пумпянскому принадлежит, как утверждает Г. Смирин, заслуги в качестве историка. Конечно же, серия статей по истории евреев в Лифляндской и Курляндской губерниях⁴⁹ была особенно честолюбивой. Навесить на нее ярлык компиляции одноименной книги Реубена Вундербара⁵⁰ (Митава, 1853) было бы, пожалуй, неправильным. А. Пумпянский изложил этот первый в историографии евреев Лифляндии и Курляндии труд на русском языке и обеспечил ему, таким образом, новый, больший круг читателей. Он сократил текст Р. Вундербара и дополнил его, с одной стороны, собственными комментариями, а с другой — информацией, относящейся ко времени после завершения названного труда. В отличие от Р. Вундербара А. Пумпянский в значительной мере отказался от указания

источников. Из текста становится ясно, что помимо историографического оригинала А. Пумпянский использовал государственные законодательные акты относительно евреев и щедро приводит из них цитаты⁵¹. Кроме того, он лишь выборочно обобщил исторические события, руководствуясь собственными воспоминаниями.

Давая оценку публицистической деятельности А. Пумпянского, обязательно следует принимать во внимание цензуру печати в России. В отличие от «Восхода» «Еврейские записки» подвергались предварительной цензуре, и редактор был вынужден, если он допускал критику, прибегать к помощи эзопова языка. С этой точки зрения, примечательны комментарии и критерии отбора материала А. Пумпянского. Он не только систематизировал материал, но и весомо подчеркивал историю и заслуги просветительского движения и реформу просвещения⁵². Косвенно он критиковал засилье прибалтийских немцев, эгонистические интересы самодовольных курляндских евреев и указывал на щекотливые моменты из истории российских евреев, такие как принудительный набор в армию, проблема взимания налогов и ограничение права поселения⁵³. Интересной, оригинальной и информативной для историографии является его статья о современной Риге и о его собственном вкладе как казенного раввина и «ученого еврея» в губернский столицу⁵⁴.

Тем не менее следует критически прийти к заключению, что А. Пумпянский был не столько самостоятельным историком, сколько активным, образованным в духе времени российским евреем и *маскилом*, казенным раввином и «ученым евреем» на государственной службе и честолюбивым редактором. На фоне крутой перемены в государственной политике по отношению к евреям в 1881 г., а также учитывая рост антисемитизма в Российской империи, патриотизм Пумпянского и его лояльность по отношению к царю в конечном итоге приняли гротескные очертания; как и многие *маскилим* его поколения, он превратился в трагическую личность.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Автор имеет в виду то, что Рига была основана (1201 г.) и стала важным торговым городом в Северо-Восточной Европе благодаря выходцам из германского города Бремена. — *Ред.*

² Ганзейский союз, или Ганза (нем. *Hanse*), — торговый и политический союз северогерманских торговых городов. Начал складываться в регионе Северного и Балтийского морей в первой половине XIII в., в XIV—XV вв. объединял около 200 торговых городов (Рига вошла в Ганзу в 1282 г.); прекратил свою деятельность в 1669 г. — *Ред.*

³ Шлок (после 1917 г. — Слока) — небольшое местечко, впоследствии город в Рижском уезде; в настоящее время — часть города Юрмалы. — *Ред.*

⁴ Имеется в виду основанное в 1839 г. Рижское еврейское училище с обучением на немецком языке и предназначавшееся только для мальчиков. — *Ред.*

⁵ *Dohrn V.* Baltische Reise. Frankfurt a/M. 1994. S. 100—103; *Jilge W.* Die Juden in Lettland und Estland // Handbuch zur Geschichte der Juden in Europa: 2 Bde. / Hrsg. Kotowski E.-V., Schoeps J. H., Wallenborn H. Darmstadt, 2001. Bd. 1: Länder und Regionen. S. 216—219.

⁶ *Ельшиевич Д. А.* Правительственная политика и еврейская печать в России, 1797—1917: Очерки истории цензуры. С.-Петербург; Иерусалим, 1999. С. 70—73.

⁷ *Dohrn V.* Die erste Bildungsreform für Juden im Russischen Reich — ihre Bedeutung für die Juden in Liv- und Kurland // *Aschkenas*. 1998. Nr. 2 (8). S. 325—352.

⁸ См. прим. 14 на с. 90.

⁹ *Winkelmann A.* Max Lilienthals Schulprogramm und die frühe russische Haskala in der innerjüdischen Auseinandersetzung (1841—1845). Köln, 1988, S. 199—220. (Неопубл. магист. работа.)

- ¹⁰ Пумпянский Арон Элиягу (1835—1893) — писатель, журналист, историк, общественный деятель. Родился в Вильне (Вильнюсе), в 1859 г. окончил Виленское раввинское училище и в 1861—1873 гг. служил казенным раввином в Поневеже (ныне Паневежис в Литве). В 1860—1861 гг. совместно с А. С. Волеом редактировал приложение на русском языке к выходившему в Вильне периодическому изданию «Га-Кармел». В 1873—1893 гг. — казенный раввин Риги (здесь же и умер), где в 1881 г. издавал и редактировал историко-литературный журнал «Еврейские записки», в котором опубликованы его исторический очерк «Евреи в Лифляндской и Курляндской губерниях» и ряд других произведений, в том числе (под псевдонимом И. Гейман) драма в 3-х действиях «Премудрый Соломон» (вышла отдельным изданием в 1882 г.). Автор издания в 1885 г. в Вильне сборника оригинальных и переводных стихов «Ширей-Цион» («Песни *Сиона») (среди переводов наиболее удачным считается перевод поэмы М. Ю. Лермонтова «Мцыри»). Издал также два сборника речей, «Псалмы Давида» (1871) и «Притчи Соломона» (1891) с переводом на русский язык и с комментариями на древнееврейском. О нем см. также в ст. Б. Валдман, помещенной в настоящем сборнике. — *Ред.*
- ¹¹ В этой связи необходимо упомянуть статью Григория Смириня об Ароне Пумпянском (*Смирин Г. Арон Пумпянский об истории евреев в Лифляндии и Курляндии // Евреи в меняющемся мире: Материалы 3-й Междунар. конф., Рига, 25—27 окт. 1999 г. Рига, 2000. С. 349—369.*
- ¹² См. прим. 1 на с. 12.
- ¹³ *Dohrn V. Das Rabbinerseminar in Wilna (1847—1873): Zur Geschichte der ersten höheren Schule für Juden im Russischen Reich // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1997. Nr. 3 (45). S. 379—400.*
- ¹⁴ *Гаркави А. Еврейская периодическая печать // Еврейская библиотека. СПб., 1879. [Вып.] 7. С. 11—12.*
- ¹⁵ *[Philipsson L.] Die Zustände in Lithauen // Allg. Ztg des Judentums. 1861. Nr. 25 (41). S. 585—587.*
- ¹⁶ *Korrespondenz aus Riga (Privatmitteilung) // Ibid. 1872. Nr. 36 (48). S. 953.*
- ¹⁷ *Ibid. 1873. Nr. 2 (37). S. 25.*
- ¹⁸ См. прим. 9 на с. 198.
- ¹⁹ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 28. № 21547. § 10.
- ²⁰ Там же. № 8054. § 90. А. Шохат указывает, что уже в 1826 г. раввины должны были вести записи о заключении и расторжении браков и случаях смерти. Однако он не приводит этому доказательств — ни в законодательстве, ни в литературе на это нет указаний (*Shochat A. Mosad 'ha-rabanut mi-ta'am' be-Russia. Haifa, 1975. S. 8.*) (Казенные раввинаты в России. Ивр.).
- ²¹ *Dohrn V. Von der Haskala zum *prosveshchenie*: Jüdische Aufklärung und staatliche Akkulturationspolitik im Zarenreich. Göttingen, 2001. S. 316—322.* (Неопубл. хабилитаци. работа). Джон Д. Клир воспроизвел все негативные клише, касающиеся казенных раввинов в империи (*Klier J. D. Imperial Russia's Jewish question. Cambridge, 1995. P. 26—28.*
- ²² *Dohrn V. Von der Haskala... S. 330—336.*
- ²³ Кельмский Магид (Моше Ицхак по прозвищу Даршан — Проповедник) (1828—1899) — один из главных представителей движения *Мусар. Более полувека занимал должность проповедника в Кельме Ковенской губернии, Жагорах (Жагаре), Ошмянах и Минске, но в основном был странствующим проповедником. В своих проповедях стремился к повышению морального уровня еврейских общин, обличал жульничество в торговле, эксплуатацию бедняков и недостойное поведение по отношению к неевреям. — *Ред.*
- ²⁴ *[Korrespondenz aus Rogova, Gouv. Kovno] // Sion. 1861/62. Nr. 1 (37). S. 587—588.*
- ²⁵ См. прим. 15 на с. 74.
- ²⁶ *Web M. Dubnov and Jewish archives: An introduction to his papers at the YIVO Institute // A missionary for history: Essays in honor of Simon Dubnov // Ed. Groberg K., Greenbaum A. Minnesota, 1998. S. 87—88.*
- ²⁷ А. Шохат следует в своей критической дискуссии другому национально-еврейскому интересу познания. В качестве первой неопубликованной дипломной работы на эту тему с названной точки зрения нужно упомянуть: *Очередник И. В. Казенный раввинат в России. М., 2001.*
- ²⁸ *Пумпянский А. Речь, произнесенная в Поневежском казенном училище, 17 апр. 1867 г. // Га-Кармел: Рус. прил. 1867. № 6 (44), С. 185—187.*
- ²⁹ Там же. С. 187.

- ³⁰ *Spektor M.* Majn lebn: 3 Bde. Warschau, 1928. Bd. 1. S. 227—278. (Yiddish).
- ³¹ Рос. гос. арх., ф. 821, оп. 8, д. 80, л. 1—5, 10/11.
- ³² Александровская гимназия — общеобразовательное мужское среднее учебное заведение, одно из первых в Риге с преподаванием на русском языке; основано в 1868 г. Была гимназией классического типа — наряду с углубленным изучением русского языка и литературы треть обязательного количества часов отводилась на древние языки; была также возможность факультативно изучать латышский и английский языки. — *Ред.*
- ³³ *Пумпянский А.* Евреи в Лифляндской и Курляндской губерниях: Ист. очерк. // Евр. записки. 1881. С. 66; [Он же.] Отчет вспомогательной кассы для бедных гимназистов Александровской гимназии // Там же. С. 254.
- ³⁴ Там же. С. 66. (Рижский политехникум, основанный в 1862 г., был высшим учебным заведением с преподаванием на немецком языке; в 1896 г. реорганизован в политехнический институт с преподаванием на русском языке. В 1915 г. был эвакуирован в Москву, где действовал до мая 1918 г. Затем часть его была эвакуирована, и в феврале 1919 г. на ее базе была создана Высшая школа Латвии (ныне Латвийский университет); остальная часть была переведена в Иваново-Вознесенск (ныне Иваново), где на ее базе было основано высшее техническое училище. В Риге политехнический институт был возобновлен в 1958 г., в настоящее время это Рижский технический университет. — *Ред.*)
- ³⁵ За двадцать лет до открытия отделения ОПЕ в Риге, в 1877/78 г., ОПЕ там зарегистрировало уже 81 еврейского студента в местном политехникуме (*Чериковер И. М.* История общества для распространения просвещения между евреями в России, 1863—1913. СПб., 1913. С. 152). Три года спустя инициатор создания ОПЕ барон Г. Гинцбург должен был основать фонд помощи школьникам и студентам высших учебных заведений империи (*Чериковер И. М.* «Просвещение» // Еврейская энциклопедия: В 16 т. СПб., [1908—1913]. Т. 13/ Стб. 59). Г. Смирин указывает, что это было начало поддержки студентов и деятельности ОПЕ в Риге (*Смирин Г.* Указ. соч. С. 356).
- ³⁶ *Feigmanis A.* Zur Geschichte der Juden in Livland // Judaica. 1997. Nr. 4 (53). S. 242—252.
- ³⁷ *Пумпянский А.* Земледелие как основа религиозного учения евреев // Евр. записки. 1881. С. 7—15.
- ³⁸ Физикраты (от гр. *physis* — природа, *kratos* — власть) — одно из направлений политической экономии, возникшее во Франции в середине XVIII в. и признававшее единственным источником богатства землю и земледелие, а земледельческий труд — единственным производительным трудом. — *Ред.*
- ³⁹ *Пумпянский А.* Скромный памятник русским героям, павшим в войне 1877 года: Три слова. Рига, 1878. С. 1—17.
- ⁴⁰ *Пумпянский А.* Евреи в Лифляндской и Курляндской губерниях. С. 66.
- ⁴¹ Евр. записки (Рига). 1881. № 1—12. (За возможность ознакомиться с текстом этого журнала я благодарна д-ру Г. Смирину.)
- ⁴² От редакции // Евр. записки. 1881. С. 737; *Смирин Г.* Указ. соч. С. 349—350.
- ⁴³ См. прим. 20 на с. 198.
- ⁴⁴ *Пумпянский А.* Еврейский язык и цвета // Евр. записки. 1881. С. 376—384.
- ⁴⁵ Рав (Абба Ариха): Биогр. очерк из времен Талмуда // Там же. С. 386—391, 449—457, 513—521, 577—584.
- ⁴⁶ *Пумпянский А.* Историк Грец как экзегет // Там же. С. 243—248, 308—313.
- ⁴⁷ Там же. С. 224.
- ⁴⁸ *Пумпянский А.* Еврейский язык и цвета. С. 376.
- ⁴⁹ *Пумпянский А.* Евреи в Лифляндской и Курляндской губерниях. С. 1—7, 65—70, 129—142, 193—198, 257—266, 321—329.
- ⁵⁰ См. прим 24 на с. 199.
- ⁵¹ *Пумпянский А.* Евреи в Лифляндской и Курляндской губерниях. С. 257—263.
- ⁵² Там же. С. 4—7.
- ⁵³ Там же. С. 257—263.
- ⁵⁴ Там же. С. 67—70.